
ВИКТОРИЯ СЕВЕРИНА
ИЗМЕНА.
ТЫ ВСТАЛ С КОЛЯСКИ
РАДИ НЕЁ

Виктория Северина

Измена: Ты встал с коляски ради неё

«Литнет»
2026

Северина В.

Измена: Ты встал с коляски ради неё / В. Северина — «Литнет», 2026

Утром муж попросил помочь ему налить воды. Вечером я увидела через кухонное окно, как он сам наливает вино в два стакана и целует другую женщину.На несколько мгновений я даже обрадовалась: он ходит увереннее! А потом узнала Алину и вспомнила отменённую поездку с подругой, сокращённые смены и его вечное: «Ты же не оставишь меня одного?»После аварии я отложила наше расставание, чтобы помочь ему восстановиться. Не спала ночами, возвращалась по первому звонку, боялась потребовать лишнего. Он знал, что я уйду, когда постоянная помощь перестанет быть нужна. Поэтому хорошие новости от врача до меня не дошли.Когда я вошла, муж уже сидел в коляске. Выслушал, что я видела, и объяснил: рядом со мной он чувствует себя больным, а рядом с ней — мужчиной.Теперь он уверен, что я поплачу и останусь. Ведь любовница любит его, а я умею о нём заботиться. Глеб предусмотрел всё, кроме одного: я больше не хочу быть его женой.

© Северина В., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ты же не мог 5
Глава 2. Я обещала другое 13
Глава 3. Пять недель 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Глава 1. Ты же не мог

Дарья успела обрадоваться прежде, чем разглядела, кого обнимает её муж. В освещённом кухонном окне Глеб стоял спиной к саду, чуть шире обычного расставив ноги, и держал левую руку на краю стойки. Потом отпустил её, повернулся и прошёл к столу. Сам. Без её ладони под локтем, без настороженного ожидания, когда придётся подхватить его, без сердитого требования не отходить далеко. Дарья остановилась посреди дорожки с пакетом в руке и почувствовала, как горячо стало под пальто. Он идёт, подумала она, ещё не успев удивиться собственной радости. Не держится за мебель, не зовёт, не ждёт, пока она подвинет коляску, — просто идёт по их кухне.

До этого вечер складывался почти неправдоподобно удачно. Сменщица появилась в гостинице раньше, спокойно выслушала, кому понадобятся дополнительные полотенца, у кого утром ранний выезд, и, заметив, как Дарья растирает затылок, предложила уходить. Обычно нашлась бы ещё какая-нибудь просьба, звонок, гость, которому требовалось непременно поговорить со старшим администратором. Сегодня Дарья успела передать дела без задержки, застегнуть пальто и даже купить по дороге свежий хлеб. В автобусе нашлось свободное место; она сидела у запотевшего окна, прижимая тёплый пакет к коленям, и представляла, как успеет поужинать, принять душ, может быть, позвонить Вере. Глеб ещё утром сказал, что вечером заглянет приятель с работы. Можно было не считать остановки и не прислушиваться к каждому шороху телефона в сумке.

От остановки было ближе через садовую калитку. Дарья открыла её своим ключом, привычно придержала створку, чтобы не стукнула о столб, и пошла к крыльцу вдоль мокрых кустов смородины. В начале октября темнело уже рано, но кухонного света хватало на половину дорожки. Под яблоней пахло опавшей листвой и размокшей землёй; один лист прилип к носку её ботинка, и Дарья собиралась стряхнуть его, когда увидела Глеба. Теперь она стояла неподвижно, не чувствуя тяжести пакета, и следила, как он берёт со стола открытую бутылку. До стойки было всего несколько шагов. Дарья знала каждый из них по тому, сколько раз за последние месяцы проходила рядом с мужем, готовая помочь.

Женщина сидела на высоком табурете у дальней стороны стойки, и сперва Дарья увидела только её руку. Тонкие пальцы легли Глебу на запястье; он повернул голову и что-то сказал, улыбаясь той широкой, чуть насмешливой улыбкой, которую жена помнила гораздо лучше его недавних болезненных гримас. Женщина убрала руку, потянулась за стаканом, и свет упал на её лицо. Алина Седова. Та самая Алина, с которой они встречались у общих знакомых, обменивались поздравлениями, однажды долго обсуждали на чужой кухне, где лучше заказывать торт. Дарья хорошо помнила её манеру слушать: немного наклонив голову, словно собеседник сообщал что-то особенно интересное. Сейчас Алина смотрела так на Глеба.

Он налил вино в два низких стакана, стоявших перед ней, и поставил бутылку рядом. Высокие бокалы хранились в верхнем шкафу, а эти стаканы Дарья специально переставила на нижнюю полку, чтобы до них было проще добраться. Утром Глеб попросил достать такой же, хотя сидел рядом со стойкой. Она тогда уже застегнула кофту и держала в руке расчёску, но вернулась на кухню, налила воды, спросила, не принести ли ещё что-нибудь. Он ответил, что ничего, только не надо сегодня опять задерживаться. Дарья вспомнила это с такой ясностью, будто до сих пор ощущала зубцы расчёски в сжатой ладони.

Алина поставила стакан и скользнула с табурета. Глеб приблизился, положил руку ей на талию, притянул к себе; женщина подняла лицо с той спокойной уверенностью, с какой принимают давно знакомое прикосновение. Он поцеловал её, задержался, что-то произнёс почти у самых губ. Алина засмеялась и ответила новым поцелуем. Стекло не пропускало слов, зато Дарья видела, как двигается её ладонь по затылку Глеба, как он чуть запрокидывает голову,

позволяя гладить себя. Это продолжалось всего несколько секунд, и за эти секунды Дарья успела заметить нелепо многое: расстёгнутую верхнюю пуговицу его рубашки, тонкий блеск Алининой серьги, собственное кухонное полотенце, скомканное возле бутылки.

Пальцы разжались сами, пакет сполз и ударился о дорожку. Дарья наклонилась за ним, хотя сейчас ей было совершенно безразлично, испачкался ли хлеб. Просто пришлось что-то сделать, согнуться, отвести глаза от окна. В горле стояла сухая боль; она попробовала сглотнуть и не смогла. Когда выпрямилась, Глеб уже снова держался одной рукой за стойку, а Алина поправляла ему воротник. Дарья видела его осторожные шаги во время занятий, знала, что он постепенно восстанавливается, и не могла по одному движению решить, что больше ему ничего не трудно. Но руку на чужой талии она видела тоже. Для этого не требовалось ни объяснений, ни нового приёма у врача.

У Алины засветился телефон. Она взглянула на экран, взяла лежавшую рядом сумочку и показала Глебу время. Он кивнул, нехотя выпустил её пальцы. Дарья отступила с дорожки под яблоню, задев плечом мокрую ветку, и ощутила, как холодная вода попала за воротник. Выходить им навстречу она не могла. Представить себя сейчас в ярко освещённой кухне, с испачканным пакетом, перед двумя людьми, которые только что целовались, оказалось страшнее, чем стоять в темноте. Она прижала ладонь ко рту и смотрела, как Алина берёт со спинки табурета пальто.

Дверь на террасу открылась с привычным скрипом. Алина вышла, на ходу продевая руку в рукав, обернулась и негромко произнесла: «Я напишу». Дарья узнала её голос сразу, и от этого стало хуже, чем от беззвучной картины за стеклом. Обычный живой голос, чуть охрипший после смеха; так можно было сказать о заказанном торте, о встрече в субботу, о чём угодно. Глеб остался внутри. Алина осторожно прошла по дорожке, глядя себе под ноги, возле яблони свернула к калитке и через несколько мгновений исчезла за ней. Щёлкнул замок, потом донёсся стук каблуков уже с улицы. Дарья не двигалась, пока он не затих.

Она вернулась на дорожку и посмотрела на свои руки. На светлом манжете пальто темнела вода, под ногтем большого пальца забилась земля: должно быть, задела край клумбы, когда поднимала пакет. Дарья потёрла ноготь о ткань, остановилась и достала ключи. Ей вдруг захотелось уйти обратно к остановке, сесть в первый автобус, позвонить Вере уже оттуда. При мысли об этом она сразу представила Глеба в доме и привычно начала прикидывать, что оставила ему на ужин. От собственной торопливой заботы стало тошно. Дарья стиснула ключи, обошла угол и поднялась на крыльцо, осторожно ступая по мокрой плитке.

В прихожей пахло тем же, чем всегда: деревом, тёплой обувью возле батареи, чем-то приготовленным утром. Дарья закрыла дверь и не сразу попала ключом в замок изнутри. С кухни донёсся шорох колёс, затем голос мужа, ещё не встревоженный, скорее недовольный тем, что знакомый порядок нарушили. «Даша, это ты? А почему так рано?» Она не ответила, повесила сумку на крючок и поставила хлеб на тумбу. Снимать пальто не хотелось. Под ним было жарко, спина намокла, но расстегнуть пуговицы, переобуться, войти в домашнее тепло как обычно казалось сейчас невозможным.

Глеб сидел в коляске возле стола. На нём была тёмная рубашка, которую Дарья гладила в воскресенье: он тогда попросил приготовить что-нибудь приличное, потому что надоело целыми днями ходить в растянутом. Она обрадовалась этой просьбе, выбрала две рубашки, повесила рядом с его вещами. Сейчас воротник лежал ровно, волосы у виска ещё сохраняли след чужих пальцев. Один стакан стоял перед ним, другой — возле раковины. Бутылка вина исчезла со стойки, но Дарья заметила её на полу рядом с тумбой: убрать дальше он, видимо, не успел.

— Ты хоть сообщение могла написать, — сказал Глеб, глядя на её застёгнутое пальто. Он провёл ладонью по колесу, немного отодвинулся от стола и нахмурился. — Я думал, ты позже будешь. Что случилось у вас? Дай воды, пожалуйста, что-то во рту пересохло. — Последнюю

просьбу он произнёс уже без вопросительной интонации, переводя взгляд на столешницу, где обычно стояла бутылка. Дарья по привычке посмотрела туда же и даже почувствовала, как напряглась нога, готовая сделать шаг. Потом увидела возле раковины стакан с бледным следом помады и осталась на месте.

— Я видела тебя с Алиной, — произнесла она. Голос получился низким, чужим после долгого молчания на холоде; Дарья кашлянула и упёрлась пальцами в край стола, чтобы они не дрожали так заметно. — Я пришла через сад. Ты наливал ей вино. Потом вы целовались. — Она смотрела на мужа и ждала, что он хотя бы изменится в лице сильнее, чем менялся, когда она забывала купить нужный хлеб. Глеб опустил глаза на её руку, задержался взглядом на грязном манжете и только потом снова посмотрел ей в лицо. Несколько секунд он молчал, и Дарья слышала, как гудит холодильник, давно требовавший отодвинуть его от стены.

— Ты стояла под окнами? — наконец спросил Глеб. Он произнёс это с таким неподдельным раздражением, что Дарья на мгновение растерялась. Муж покачал головой, словно она рассказала о собственной неприятной выходке, и поправил лежавший на коленях плед. — Даша, ну можно было просто войти. Зачем вот это всё? Смотреть из сада, прятаться… Ты сама себя доводишь, а потом с тобой невозможно разговаривать. Сядь хотя бы, что ты стоишь надо мной.

Дарья выдвинула стул, но села не сразу. На сиденье лежало маленькое полотенце, которым она утром вытирала ему руки; она взяла его и медленно сложила вдвое. Раньше Глеб не терпел беспорядка на кухне, особенно оставленных на столе вещей. За последние месяцы здесь появились упаковки, бутылки, подушки на стульях, табурет у стены, который нельзя было отодвигать без предупреждения. Она привыкла обходить всё это, подстраивать свои движения под его нужды и сердиться на себя, если забывала. Сейчас на фоне этого устроенного для него быта стоял недопитый стакан вина, и Глеб объяснял ей, как следовало правильно обнаружить его с другой женщиной.

— Я шла домой, — сказала Дарья, положив полотенце на свободный край стола. Она наконец села, потому что колени начали подрагивать, и расстегнула две верхние пуговицы пальто. — Меня отпустили раньше. Я увидела тебя в окне и остановилась. Ты же не мог утром сам дойти до стойки, когда просил меня принести тебе воду. Ты сказал, что ноги не держат, помнишь? А сейчас я увидела, как ты ходишь, и обрадовалась. — На последнем слове голос подвёл её; Дарья прикусила щёку изнутри и посмотрела на настенные часы, чтобы не заплакать раньше, чем сможет договорить.

— Вот именно, увидела один раз, — быстро ответил Глеб, немного подавшись вперёд. Он будто ждал возможности заговорить об этом и теперь произносил слова увереннее. — Утром не держали, вечером стало легче. Или ты думаешь, так не бывает? Я, по-твоему, должен весь день сидеть и не шевелиться, чтобы ты мне верила? Ты же знаешь, как это идёт. Сегодня получилось, завтра опять не получится. Посмотри, что ты делаешь: человек начал понемногу восстанавливаться, а ему уже предъявляют, что он недостаточно больной.

Дарья смотрела на его руки. Большие, хорошо знакомые, с коротко подстриженными ногтями; на правом указательном пальце сохранился тонкий шрам от пореза, полученного ещё тогда, когда они жили в съёмной квартире. Она помнила и тот вечер, и его раздражённое «не суетись», и собственный смех, пока заклеивала палец. Глеб говорил, а Дарья с мучительной ясностью видела, как эти же руки только что держали Алину. Ей не хотелось спорить о том, сколько шагов ему разрешено сделать и какой из них должен её убедить. Она наклонилась вперёд, положила обе ладони на стол и дождалась, когда он замолчит.

— Я не спрашиваю, почему ты ходил, Глеб. Я спрашиваю, почему ты целовал Алину в нашей кухне. — Дарья выговорила это медленно, стараясь не повышать голос, хотя лицо уже жгло. — И почему утром ты сказал, что придёт приятель с работы. Он тоже здесь был? Или ты просто хотел, чтобы я не звонила и не беспокоилась, как ты тут один? — Глеб отвёл глаза

к окну, за которым теперь виднелась только темнота. Дарья впервые подумала, что с его места человек в саду, наверное, был совсем неразличим.

— Я не собирался тебя специально… — Он остановился, потёр ладонью лоб и вздохнул с привычной тяжестью. — Давай без этих допросов. Ты сейчас услышишь только то, что захочешь, а мне потом всю ночь успокаивать тебя. Алина заехала, мы посидели. Не всё было так продумано, как ты себе уже нарисовала. — Он потянул край пледа на себя, и Дарья увидела, что тот зацепился за подлокотник. Её рука машинально двинулась помочь, но остановилась на середине стола. Глеб заметил движение, подождал, потом освободил ткань сам, дёрнув её заметно резче, чем требовалось.

— Как давно? — спросила Дарья, когда он снова устроился. Ей хотелось получить хотя бы один ответ, который не заставит её додумывать всё остальное ночью. — Я знаю Алину. Ты тоже знаешь, что я её знаю. Поэтому не надо объяснять мне, будто случайно зашедшая знакомая вдруг оказалась у тебя на руках. Сколько времени это продолжается? — Глеб плотно сжал губы и посмотрел на часы. Это короткое движение задело её неожиданно сильно: она помнила, как он точно так же поглядывал на время, когда чужой рассказ становился слишком длинным.

В первые недели дома он смотрел на часы иначе. Дарья особенно хорошо помнила одну мартовскую ночь: дождь стучал в подоконник, на полу возле кровати стоял таз, а она никак не могла расправить мокрое полотенце, потому что пальцы сводило от усталости. Глеб тогда побелел от боли и ярости на собственную неловкость, не позволял позвать помощницу, сердился, когда она пыталась поддержать его. Дарья села рядом, дала ему отдышаться и потом ещё долго держала за плечи, пока он не перестал дрожать. Всё это было настоящим. Она не могла сейчас заставить себя считать выдумкой его боль, ту ночь, тяжёлое дыхание возле своей щеки. От этого происходящее за кухонным столом становилось только непонятнее: человек, которого она помнила таким, теперь отказывался сказать ей несколько простых слов.

— Ты хоть представляешь, каково мне все эти месяцы? — произнёс Глеб, не ответив на вопрос. Он расправил плед на коленях, разгладил его ладонью и посмотрел прямо на неё. — Просыпаться и думать, что сегодня опять без тебя не обойдусь. Ждать, пока ты освободишься, пока придёшь, пока у тебя будет время. Я не жалуюсь, ты много делала, я понимаю. Но я всё равно мужчина, Даша. Мне сорок семь, а не восемьдесят. Иногда хочется, чтобы рядом со мной видели хоть что-нибудь, кроме всех этих трудностей.

— Я видела, — ответила она прежде, чем успела сдержаться. Дарья чуть раздвинула ворот пальто: шерсть тёрла шею, стало трудно дышать. — Я сегодня увидела тебя у окна и первое, что подумала, — как хорошо. Мне даже в голову сначала не пришло, что там женщина. Я просто обрадовалась за тебя. Ты понимаешь? — Он выслушал её с выражением усталого терпения, от которого хотелось встать и опрокинуть стол. Дарья крепче сцепила пальцы на коленях, спрятав руки под полами пальто. — Не говори мне, что я перестала видеть в тебе человека.

Глеб отвёл взгляд, потом снова поднял его на жену, словно решившись на неприятную откровенность. «А я рядом с тобой уже не чувствую себя мужем», — сказал он тише и от этого страшнее. Дарья ждала продолжения, не двигаясь. «Ты спрашиваешь, поел ли я, как у меня ноги, не надо ли помочь. Ты всё время за мной ухаживаешь. Я понимаю, что без этого было нельзя, но у нас ничего другого и не осталось. Алина смотрит на меня по-другому. Она меня хочет, Даша. Мне нужно было хотя бы ненадолго почувствовать это». Он говорил без грубости, почти доверительно, и Дарье пришлось несколько раз вдохнуть, чтобы тошнота не поднялась к горлу.

Она вспомнила крем, который втирала ему в сухую кожу на голенях. Запах тёплой воды, влажный край рукава, его раздражение, когда она слишком долго возилась с застёжкой одежды. Вспомнила, как старалась отвернуться в те минуты, когда ему было стыдно, как придумывала пустяковые разговоры, чтобы не стоять возле него молча. Ей казалось, что она помогает мужу

пережить унизительную для него зависимость. Теперь оказалось, что и эта её осторожность, и необходимая близость тела, с которым случилась беда, могли быть предъявлены ей как причина, по которой он предпочёл другую. Дарья посмотрела на свои ногти, коротко срезанные ещё весной, когда длинными стало неудобно помогать ему с одеждой. На большом пальце всё ещё темнела садовая земля.

— Когда тебе было нужно, чтобы я помогла помыться, ты звал меня, — сказала она. Глеб дёрнул плечом, но Дарья продолжила, прежде чем он успел перебить. — Когда тебе было больно ночью, ты тоже звал меня. Я приходила. Я не знала, что потом ты будешь объяснять этим, почему спишь с другой женщиной. — Она почувствовала влагу на щекеи сердито стёрла её ладонью. — Ты мог говорить со мной о чём угодно. Ты столько раз говорил, что я делаю неправильно. Почему об этом надо было говорить с Алиной?

— Не надо выставлять меня таким мерзавцем, — произнёс Глеб, повысив голос. Он выпрямился в коляске и поставил ладони на подлокотники, словно собирался подняться, но остался сидеть. — И не надо сейчас перечислять, сколько ты для меня сделала. Я всё это знаю. Ты сама согласилась, я тебя не заставлял. А теперь получается, что мне каждое твоё усилие будут припоминать? Я не хотел, чтобы ты узнала вот так. Не хотел делать тебе больно, но ты уже даже слушать не можешь.

Дарья медленно сняла пальто. Один рукав вывернулся, застёжка зацепилась за тонкий браслет на запястье; пришлось освобождать её обеими руками, пока Глеб ждал и тяжело дышал. Под пальто была простая светлая блузка, к вечеру примятая на спине. Дарья весь день сидела, вставала, наклонялась к гостям, доставала чужие забытые вещи, улыбалась, когда хотелось молчать. Она посмотрела на своё отражение в тёмном оконном стекле и вдруг вспомнила, что утром собиралась сменить эту блузку на другую, но не успела. Глеб позвал из комнаты, потом понадобилась вода, потом он попросил найти зарядку, и Дарья выбежала к автобусу в том, что уже надела.

— Ты сказал, что не хотел делать мне больно, — повторила она, аккуратно повесив пальто на спинку соседнего стула. Голос наконец перестал дрожать; от слёз только неприятно стягивало лицо. — Хорошо. Я сейчас сижу перед тобой. Мне очень больно. И за всё это время ты успел сказать, что я пришла неправильно, смотрела неправильно, ухаживала за тобой не так и теперь ещё неправильно разговариваю. — Глеб начал возражать, но Дарья подняла ладонь, удерживая его на расстоянии ширины стола. — Подожди. Я тебя выслушала. Дай мне договорить хотя бы сейчас.

Он откинулся на спинку коляски, но продолжал смотреть на её поднятую руку с таким выражением, будто сам этот жест был оскорбительным. Дарья опустила ладонь и несколько мгновений собиралась с мыслями. Раньше в ссорах она торопилась объяснить всё сразу, боясь, что Глеб не поймёт, не дослушает, уйдёт посреди разговора. Теперь он сидел напротив и никуда не уходил, а нужные слова всё равно не находились. Дарья посмотрела на стакан возле раковины и поняла, что не хочет больше спрашивать, в какой момент он решил поцеловать Алину. По крайней мере, не сегодня. Она уже задала вопрос, и Глеб предпочёл говорить о том, что ему трудно жить рядом с женой.

— Я сегодня буду спать наверху, — сказала Дарья, отодвигая стул. Ей удалось встать без помощи стола, хотя ноги оставались неприятно ватными. — Сейчас заберу свои вещи из комнаты. А утром мы поговорим, как разъехаться. — Она потянулась за пальто, сняла его со спинки и перекинула через руку. Глеб смотрел на неё снизу вверх, сначала недоверчиво, затем с той снисходительной досадой, которая появлялась у него, когда она, по его мнению, начинала слишком далеко заходить. Он несколько раз провёл большим пальцем по шву подлокотника.

— Даш, прекрати, — произнёс он наконец. — Ты сейчас вся на нервах. Иди умойся, переоденься, поешь хоть что-нибудь. Куда мы будем разъезжаться? Ты понимаешь вообще, о чём говоришь? — Он оглянулся в сторону коридора, ведущего в переоборудованный кабинет,

и снова посмотрел на неё. — У меня здесь всё устроено. Мне сейчас что, собираться и ехать куда-то ночью? Ты потом сама пожалеешь, что наговорила. Давай до утра хотя бы ничего не решать.

Дарья вспомнила, как они освобождали кабинет после его возвращения домой. Стол передвинули к стене, лишние стулья унесли, возле кровати оставили достаточно места, чтобы она могла подойти с любой стороны. Рядом был душ и туалет, через широкий коридор — кухня. Наверх подниматься не требовалось, и первое время она радовалась каждой вещи, которая делала его день легче. Потом в углу появился небольшой раскладной диван для неё; Глеб тревожился по ночам, просил не уходить далеко, и Дарья решила, что так будет удобнее. Она уже не помнила, когда перестала мысленно называть это временным устройством. Только спина по утрам по-прежнему ныла в одном и том же месте.

— Сегодня ночью тебе никуда ехать не нужно, — ответила она, остановившись у двери. Дарья держала пальто слишком крепко и заставила себя разжать пальцы. — Я сказала, что буду спать наверху. Ты остаёшься здесь. Завтра будем разговаривать о дальнейшем. — Глеб начал было произносить её имя тем особенным усталым тоном, которым обычно заканчивал спор, но она не стала ждать продолжения. В прихожей Дарья повесила пальто, сняла мокрые ботинки и впервые заметила, как замёрзли ступни. Прилипший лист отвалился на коврик; она нагнулась убрать его, подержала в ладони и бросила в стоявший рядом пакет для мусора.

Из сумки выскользнул телефон. Дарья подхватила его раньше, чем он ударился об пол, и на загоревшемся экране увидела сообщение от Полины: та прислала фотографию смешно перекошенного пирога, который пыталась испечь у себя дома. Сообщение пришло ещё днём, пока Дарья занималась гостями, и так и осталось без ответа. Дочь написала, что на вкус должно быть лучше, чем на вид, а следом отправила смеющееся лицо. Дарья смотрела на фотографию и вдруг так остро захотела услышать её голос, что большой палец уже лёг на значок звонка. Но рот дрожал, и приходилось всё время сглатывать. Она написала, что доехала домой и завтра обязательно позвонит, добавила несколько тёплых слов о пироге и убрала телефон в карман.

Недели две назад Полина рассказывала ей что-то по дороге с работы. Дарья помнила шум машин на дочернем конце разговора, быстрый взволнованный голос и собственное желание сесть, чтобы спокойно послушать. Глеб позвал из комнаты; она сказала Полине подождать, вошла к нему и выяснила, что он не может найти зарядку. Та лежала в ящике тумбы, куда он сам попросил её убрать. Дарья достала провод, включила в розетку, потом поправила подушку, ответила на вопрос об ужине. Когда вернулась к телефону, Полина уже добралась до магазина и торопилась закончить разговор. Дарья собиралась перезвонить позже, но вечером забыла. Теперь она вспомнила всё это вплоть до белого провода у себя в руке и не могла вспомнить, чем закончилась дочерняя история.

В кабинете горел торшер. На диване лежала её кофта, на маленьком столике — книга, которую она читала по нескольку страниц, прежде чем начинали слипаться глаза. Дарья взяла книгу, зарядное устройство и очки, потом открыла нижний ящик, куда складывала ночные вещи. Она действовала медленно, стараясь ничего не уронить. Из кухни донёсся скрип колёс, и вскоре Глеб появился в дверях. Он задержался на пороге, посмотрел на собранные вещи у неё на сгибе руки, затем на раскрытый ящик. Дарья достала пижаму и аккуратно задвинула его коленом.

— Ты из-за одного вечера готова всё перечеркнуть? — спросил Глеб. В комнате его голос звучал громче, чем на кухне, и Дарья невольно подняла голову. — Всё, что у нас было? Ты же взрослая женщина, Даша. Мы двадцать лет женаты. Неужели нельзя сначала спокойно поговорить, а потом уже устраивать переезды по этажам? — Он оглядел диван и её оставшуюся на нём кофту, будто проверял, достаточно ли вещей она унесла, чтобы считать происходящее серьёзным. Дарья сложила кофту поверх пижамы и прижала всё к груди.

На столике под книгой остался конверт с распечатанными билетами. Вера любила иметь бумажные копии на случай, если телефон разрядится, и Дарья тогда тоже распечатала свои, улыбаясь подружьей предусмотрительности. Они собирались уехать на выходные, всего на две ночи, гулять, выспаться, позавтракать не дома. Билеты пришлось вернуть; конверт Дарья забыла выбросить. Глеб тогда не запретил ей ехать прямо. Он спрашивал, что будет, если ему станет плохо, зачем оставлять его надолго именно сейчас и как она собирается отдыхать, зная, что он дома один. На предложение пригласить помощницу он обиделся: разве ему нужны чужие люди, когда жена может побыть рядом? Дарья слушала, подсчитывала дни, пыталась подобрать слова и в конце концов сама позвонила Вере.

— Мы уже разговариваем, — сказала она мужу, глядя на уголок билета, выступавший из конверта. Дарья взяла его свободной рукой и положила к книге. — Ты объяснил, что хотел почувствовать себя желанным. Сказал, что я неправильно тебя поняла и слишком много вспоминаю про помощь. Я услышала. Сегодня я больше не могу. — Она подняла на него глаза и впервые за вечер позволила себе не следить, достаточно ли спокойно выглядит. — Мне нужно уйти из этой комнаты и побыть одной. Пожалуйста, отодвинься, я хочу пройти.

Глеб помедлил. Коляска стояла чуть наискосок, оставляя возле косяка слишком узкий промежуток; Дарья не стала протискиваться боком, прижимая к себе вещи. Он смотрел на неё, явно ожидая ещё каких-то слов, потом взялся за колёса и откатился в коридор. Когда она проходила мимо, протянул руку к её запястью. Дарья отступила на полшага, не резко, но достаточно, чтобы пальцы не коснулись кожи. Глеб опустил руку и шумно выдохнул. «Ладно, — сказал он, уже отвернувшись. — Иди. Всё равно сейчас с тобой бесполезно». Она постояла мгновение, слушая, как он разворачивается к кухне, и направилась к лестнице.

У её основания лежала сложенная дорожка, которую давно убрали, чтобы колёса не цеплялись за край. Дарья обошла её, поднялась на первую ступень и перехватила вещи удобнее. Снизу потянуло тёплым воздухом, пахнущим кухней; сверху — прохладой спальни, где она открывала окно по утрам. Она бывала там каждый день, брала одежду, меняла бельё, убирала, но спала внизу и теперь с непривычной осторожностью ступала в домашних тапочках по деревянным ступеням. Ей очень хотелось поскорее добраться до ванной, смыть с лица соль, вымыть руки. Дарья уже взялась за перила на повороте, когда Глеб снова позвал.

— Даша, воду-то принеси, — сказал он из кухни. Голос был обычным, почти примирительным, будто тяжёлый разговор действительно закончился и можно было вернуться к знакомым просьбам. — Я ведь попросил, когда ты пришла. Бутылка на стойке стоит. — Дарья остановилась на площадке, не успев даже подумать, нужно ли останавливаться. Книга съехала поверх кофты, и она прижала её подбородком, освобождая руку. Одно мгновение ей представлялось совершенно естественным положить всё на ступень, спуститься, налить ему воды и только после этого идти к себе.

Она посмотрела вниз. Через широкий дверной проём была видна часть кухни: край стола, шкаф у стены, плечо Глеба. От коляски до бутылки оставалось совсем немного, и Дарья вспомнила, как он проходил здесь с вином в руке. Она по-прежнему не знала, сколько сил отнимал у него каждый такой шаг, не знала, что именно он скрывал и скрывал ли ещё что-то, кроме встреч с Алиной. Но на столе рядом с ним стоял пустой стакан, а сам он только что без её помощи проехал по коридору. «Глеб, возьми сам, пожалуйста», — сказала Дарья. Ей пришлось выговорить всю просьбу на одном выдохе; после неё она осталась стоять, ожидая ответа.

Он не ответил сразу. Раздался короткий скрип, затем Дарья увидела, как Глеб подвигает коляску ближе к стойке, опирается ладонью о её край и осторожно поднимается. Он постоял, перенося вес на ноги, взял бутылку и снова сел. Дарья смотрела, как он откручивает крышку, наполняет стакан и пьёт, придерживая бутылку коленом. Никакой лёгкости того человека у окна в его движениях сейчас не было, но помощь ему не понадобилась. Он поставил стакан и

повернул голову в сторону коридора. «Можно подумать, так трудно было подать», — произнёс Глеб, уверенный, должно быть, что жена всё ещё стоит неподалёку и услышит.

Дарья поднялась дальше. В спальне она положила вещи на край кровати, включила настольную лампу и некоторое время смотрела на смятую кофту, лежавшую поверх книги. Потом прошла в ванную, вымыла руки и долго держала холодную воду возле лица, пока перестали гореть щёки. Из-под ногтя наконец вымылась земля; светлый рукав блузки намок, и она закатала его выше локтя. Дарья не пыталась сейчас представить завтрашний разговор целиком. Ей хватало того, что надо было переодеться, расправить постель и не идти вниз объяснять, почему она не подала стакан.

Вернувшись в спальню, она закрыла дверь и повернула небольшой ключ, оставшийся в замке ещё с тех времён, когда Полина жила дома и по выходным могла вбежать к ним без стука. На тумбе лежал телефон. Дарья поставила его на зарядку, отодвинула подушку с Глебовой стороны кровати и легла ближе к середине, подтянув одеяло к плечам. Снизу донёсся его голос, но слов за дверью она не разобрала. Дарья приподнялась, прислушалась, затем снова легла. Через некоторое время внизу зашумел телевизор, и она погасила лампу, так и не спустившись.

Глава 2. Я обещала другое

Утром Дарья проснулась от будильника и несколько секунд не могла понять, почему так удобно лежит плечо. Обычно к этому времени затекала рука, а край разложенного дивана упирался под рёбра, заставляя повернуться раньше, чем прозвенит телефон. Теперь под щекой была прохладная наволочка, рядом оставалось много свободного места, и за окном, в щели между шторами, светлело пасмурное октябрьское утро. Дарья потянулась выключить звук, увидела на тумбе очки, книгу, конверт с возвращёнными билетами — и вспомнила вчерашний вечер. Желудок болезненно сжался. Она ещё немного полежала неподвижно, потом откинула одеяло и села, поставив босые ноги на ковёр.

Ночью она просыпалась несколько раз. Снилось что-то спутанное, с гостиничными коридорами и дверью, которую никак не удавалось открыть; сквозь сон казалось, что Глеб зовёт из своей комнаты. Дарья поднимала голову, прислушивалась и снова ложилась. Теперь дом молчал, только внизу негромко работал телевизор. Она умылась, постояла перед зеркалом, пытаясь привести в порядок припухшие веки, и выбрала тёмное платье, которое почти не требовало глажки. Пальцы путались в волосах. Дарья дважды начинала собирать их и в конце концов закрепила так, как получилось, не проверяя, ровно ли лежит каждая прядь.

В прихожей всё ещё стоял купленный вчера хлеб. Она забрала пакет с тумбы и вошла на кухню, где Глеб сидел у стола с телефоном в руке. На нём была домашняя кофта, плед лежал на коленях аккуратным прямоугольником. Вина нигде не было, оба низких стакана сохли возле раковины. Дарья скользнула по ним взглядом и открыла шкаф, доставая чашку. Ей захотелось горячего кофе и чего-нибудь съесть; вечером она так и не поужинала, а сейчас от пустого желудка немного кружилась голова. Глеб смотрел, как она ставит хлеб на доску, и ждал, пока жена сама обратится к нему.

— Доброе утро, — произнёс он наконец, отложив телефон экраном вниз. Глеб говорил с подчёркнутой сдержанностью, словно заранее решил не сердиться на её невежливость. — Ты сегодня во сколько выходишь? Я уже давно не сплю. Что у нас на завтрак? — Дарья поставила чайник и взяла нож. Корка поддалась не сразу, пришлось крепче прижать буханку к доске. Она ответила, что выйдет к своей смене, а в холодильнике есть творог, яйца и вчерашняя запеканка. Глеб помолчал, ожидая, видимо, продолжения, затем уточнил, будет ли она что-нибудь готовить.

Дарья отрезала второй ломтик и посмотрела на стоявшую возле плиты сковороду. На ней можно было быстро разогреть запеканку, заварить мужу чай, поставить перед ним тарелку, а потом сесть напротив и притвориться, что утро началось как обычно. Она слишком хорошо знала последовательность этих небольших действий, чтобы не представить их сразу. Глеб уже подвинул к себе салфетку и убрал телефон дальше от края, освобождая место. Дарья достала из холодильника масло, намазала хлеб и положила на свою тарелку. Запеканку она поставила на свободную часть стола, откуда муж мог взять её сам.

— Я сейчас позавтракаю и поеду, — сказала она, садясь. Чашка была горячей, и Дарья обхватила её ладонями, хотя пить пока не могла. — Если нужно что-то достать с верхней полки, скажи. Остальное перед тобой. — Глеб посмотрел на закрытый контейнер, затем на её тарелку. Он не стал просить открыть крышку, только шумно выдохнул и потянулся за ней. Дарья заметила, что ждёт его раздражённого замечания с той же готовностью, с какой раньше прислушивалась к ночному зову. От этого хлеб во рту сделался сухим, и она заставила себя прожевать, прежде чем говорить дальше.

— Я предлагаю сегодня хотя бы не начинать с Алины, — произнёс Глеб, перекладывая запеканку. Он пользовался вилкой осторожно, придерживая контейнер второй рукой, и всё время поглядывал на жену. — Мы оба вчера наговорили лишнего. Ты не спала, я не спал. Давай

сначала придём в себя, а потом будем решать, что делать. — Дарья подняла глаза. Её поразило, с какой лёгкостью он включил вчерашнее в общий список неприятностей, за которые отвечать предстояло им обоим. Глеб принял её молчание за готовность выслушать и добавил, что сейчас ему особенно важно сохранять спокойствие.

— Я ничего не беру назад, — ответила Дарья, поставив чашку на блюдце. Она говорила медленно, потому что после бессонной ночи приходилось следить за каждой мыслью. — Мы будем жить отдельно. Я вчера сказала это не для того, чтобы ты меня успокоил. — Глеб опустил вилку и откинулся на спинку коляски. Несколько мгновений он смотрел на неё почти с удивлением, будто ожидал от утреннего света гораздо большей помощи. Потом его лицо стало жёстче, а голос понизился. Дарья узнала этот переход и приготовилась к словам о том, чего не выполнила.

— Ты обещала меня не бросать, — сказал он. Глеб произнёс это отчётливо, не отводя глаз, и даже немного наклонился вперёд, чтобы она не могла сделать вид, будто не расслышала. — Я сам тебя тогда спросил. Ты сказала, что останешься. А теперь получается, что это действовало только до первой серьёзной ссоры? Я всё ещё восстанавливаюсь, Даша. Или ты считаешь, что вчера увидела достаточно и можешь сама решить, когда я перестал нуждаться в помощи? — Он развёл руками, показывая на себя и на коляску. Дарья посмотрела на его раскрытые ладони, потом перевела взгляд на окно.

В январе она сидела за этим же столом и ждала, пока он закончит разговор по телефону. Глеб ходил по кухне, иногда коротко смеялся, давал кому-то советы, а она смотрела на его остывший ужин и думала, что опять выбрала неподходящее время. Он вернулся поздно, хотя обещал быть дома к семи. Звонить ему Дарья перестала после второго безответного вызова; поужинала одна, убрала свою тарелку и дождалась его уже без надежды на приятный вечер. Когда Глеб наконец положил телефон, она сказала, что хочет пожить отдельно. Он сперва даже не сел. Спросил, серьёзно ли она собирается начинать такое из-за нескольких часов, а потом взял тарелку и пошёл разогревать еду.

Дарья помнила, как пыталась объяснить, что речь давно уже не об одном ужине. Он мог исчезнуть на весь выходной, ограничившись коротким сообщением, отменить общие планы, отмахнуться от её вопроса, а вечером искренне удивиться, почему жена разговаривает сухо. Если она жаловалась на одиночество, Глеб напоминал, что живёт с ней в одном доме. Если просила внимания, выяснялось, что взрослому человеку пора научиться занимать себя самому. Она не находила чужих вещей, не читала тайной переписки и не знала, с кем он проводит время. Но всё чаще ловила себя на облегчении, когда слышала, что он задержится: можно было не ждать, не прислушиваться к звуку машины, не пытаться по выражению лица угадать, каким получится вечер.

— Я предлагала разъехаться ещё до аварии, — сказала Дарья, возвращая взгляд к мужу. Чайник давно отключился, и в наступившей тишине было слышно, как в соседней комнате говорит телевизор. — В январе. Ты помнишь этот разговор. Мы говорили здесь, и ты спросил, не хочу ли я для начала просто взять отпуск. — Глеб сжал губы, но не возразил. Дарья провела большим пальцем по ручке чашки, где чувствовалась маленькая шероховатость. — Я тогда не знала про Алину. Мне и без неё было достаточно плохо, чтобы больше не хотеть так жить.

— Ты тогда злилась, — ответил Глеб после короткой паузы. Он потянул к себе контейнер, хотя больше не ел, и стал поправлять крышку, пытаясь попасть в пазы. — У тебя на работе что-то было, ты всё время уставала. Мы ссорились, да, но это не значит, что я должен был каждое слово воспринимать как окончательное решение. А потом со мной случилось то, что случилось. Мы же смогли это пережить вместе. Я думал, ты поняла, что есть вещи важнее старых обид. — Крышка наконец закрылась с сухим щелчком. Дарья вздрогнула и сразу рассердилась на себя за эту маленькую, ненужную сейчас слабость.

После аварии у неё действительно не осталось сил на прежние разговоры. Надо было узнавать, куда ехать, везти вещи, отвечать Полине, договариваться на работе. Несколько первых дней Дарья просыпалась с телефоном возле подушки и боялась увидеть на экране незнакомый номер. Она не думала тогда, как Глеб поступил бы на её месте, не решала, заслужил ли он помощь, не пыталась сохранить за собой право сердиться. Когда стало понятно, что самое страшное позади, пришли другие заботы, ежедневные, требовавшие терпения и времени. Дарья научилась справляться с ними раньше, чем успела понять, насколько надолго изменится её жизнь.

Разговор о её решении состоялся уже после возвращения Глеба домой. В комнате пахло новой постелью и лекарствами, у стены стояли ещё не разобранные сумки. Глеб спросил, будет ли она теперь искать причину уйти, и Дарья села рядом с кроватью, чтобы он мог видеть её лицо. Она сказала, что не оставит его без помощи, пока он не сможет обходиться без её постоянного присутствия. Но и о том, что было между ними до аварии, сказала тоже: они вернутся к вопросу о разъезде, когда появится такая возможность. Он слушал, держал её за руку и несколько раз кивнул. Дарья тогда решила, что он понял. Теперь, глядя на мужа через кухонный стол, она пыталась вспомнить, почему была так в этом уверена.

— Я обещала другое, — произнесла она. Слова вышли негромкими, и Глеб перестал возиться с контейнером. — Я обещала помочь тебе в тяжёлое время. Остаться, пока ты не сможешь справляться без моего постоянного присутствия. Мы об этом говорили, Глеб. Я не обещала забыть всё, что было раньше, и жить с тобой дальше на любых условиях. — Он начал качать головой, но Дарья продолжила, чувствуя, как снова стынет оставленный кофе. — Ты тогда меня слышал. Мне нужно, чтобы сейчас ты не пересказывал мой ответ так, будто я сказала совсем другое.

— Удобно ты всё запомнила, — сказал Глеб, убирая руки со стола. Он смотрел на неё уже без утренней сдержанности, и Дарья понимала, что сейчас ему хочется заставить её хотя бы смутиться. — Значит, всё это время ждала, когда можно будет выполнить свою часть и уйти? А я думал, у нас семья. Думал, ты рядом потому, что хочешь быть рядом, а не потому, что отсчитываешь дни. — Дарья отодвинула чашку. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с желанием снова перечислить всё, что делала для него, но вчера она уже попробовала объяснить таким способом свою боль. Глеб тогда услышал только упрёк.

— Я хотела, чтобы ты поправился, — ответила она, вставая. Дарья собрала свою тарелку и чашку, отнесла к раковине и сполоснула под краном. — И сейчас хочу. Только это не означает, что я должна оставаться твоей женой. — Она вытерла руки, повернулась к нему и добавила, что сначала выяснит, какая помощь действительно нужна ему теперь. Глеб хотел что-то возразить, но в прихожей зазвонил её телефон: пришло сообщение с работы. Дарья прочитала его, вернулась за сумкой и перед уходом уточнила, всё ли необходимое мужу доступно. Он ответил, что раз она так торопится, то разберётся. Она не стала ждать, пока он передумает.

На улице моросил мелкий дождь. Дарья остановилась под козырьком, застёгивая пальто, и заметила, что вчерашнее пятно на манжете подсохло неровным краем. Она собиралась почистить его утром, но забыла. Пальцы потянулись потереть ткань и замерли; автобус подходил к остановке, времени уже не оставалось. Дарья дошла быстрым шагом, села возле прохода и достала телефон, чтобы написать Вере. Несколько раз начинала с обычного приветствия, стирала, снова набирала. В итоге отправила короткую просьбу увидеться сегодня и добавила, что ей очень нужно поговорить. Вера ответила почти сразу: в обед сможет подъехать к гостинице.

Рабочее утро встретило Дарью запахом кофе, мокрых пальто и нагретого воздуха у входа. Один из гостей искал забытые перчатки, другой просил объяснить, как добраться до театра, девушка за стойкой пыталась одновременно ответить на звонок и выслушать обоих. Дарья сняла пальто, повесила сумку и встала рядом. Перчатки нашлись в ящике с оставленными вещами; маршрут она нарисовала на листке, отметив поворот возле сквера, где приезжие

обычно уходили не в ту сторону. Мужчина долго благодарил, потом вернулся, чтобы забрать забытый им же зонт. Дарья даже улыбнулась, наблюдая, как он виновато разводит руками перед женой.

Через полчаса она дважды перечитала одну и ту же строчку в сообщении и всё равно не поняла, на какой день гости просят перенести завтрак. Пришлось отложить телефон, налить воды и прочитать ещё раз. Коллега спросила, не заболела ли она. Дарья ответила, что плохо спала, и попросила через час подменить её на перерыв. Девушка кивнула, не требуя объяснений, и снова повернулась к вошедшей паре. Дарья посмотрела на свои руки на краю стойки: здесь они действовали уверенно, находили нужную бумагу, открывали ящик, писали разборчивые короткие пометки. Ей хотелось сохранить эту простую сосредоточенность хотя бы до конца смены.

Вера приехала чуть раньше условленного времени и осталась ждать в холле, не торопя подругу звонками. Дарья увидела её у окна, в расстёгнутом плаще, с небольшим пакетом из магазина возле ног. Вера листала что-то в телефоне, но подняла голову, едва Дарья вышла из-за стойки. Одного взгляда ей хватило, чтобы убрать телефон в сумку и встать. Она не стала спрашивать при людях, что произошло, только взяла Дарью за локоть и сказала, что они успеют поесть в кафе за углом. На улице Вера раскрыла зонт на двоих. Дарья шла рядом, стараясь не задевать её плечом, и вдруг поняла, как трудно ей будет начать.

В кафе было тепло, пахло поджаренным луком и свежей выпечкой. Они выбрали столик у стены, подальше от входа, где никто не проходил за спиной. Вера заказала суп, Дарья взяла чай и долго смотрела на меню, прежде чем согласиться на что-нибудь горячее. Когда официантка отошла, Вера придвинула к ней стакан с салфетками и положила руки на стол. «Рассказывай, — сказала она спокойно. — Я успеваю, не смотри на часы каждые полминуты». Дарья попыталась улыбнуться, но губы дрогнули, и пришлось сразу отвести взгляд к окну. За стеклом женщина в ярком дождевике поправляла ребёнку капюшон; Дарья несколько секунд следила за её руками, прежде чем смогла заговорить.

— Я вчера пришла раньше и увидела Глеба с Алиной Седовой, — сказала она. Дарья произнесла имя полностью, будто Вера могла перепутать её с другой Алиной, хотя обе хорошо знали, о ком речь. — У нас дома. Они пили вино и целовались на кухне. Я стояла в саду и смотрела, пока она не ушла. — Последняя фраза далась тяжелее остальных. Дарья сжала край бумажной салфетки и добавила, что так и не смогла сразу войти. Ей показалось необходимым объяснить это, словно в её растерянности было что-то стыдное. Вера молчала, нахмурившись; потом медленно отодвинула от себя меню, чтобы оно не лежало между ними.

— А он что сказал? — спросила она после паузы. Вера не пыталась сделать голос ласковее обычного, и Дарье стало немного легче от этой знакомой деловитости. — Не про то, что ты рано пришла. Про неё что сказал? — Дарья коротко пересказала вчерашний разговор, несколько раз останавливаясь, чтобы не сбиться на слёзы. Когда дошла до объяснения о желании снова почувствовать себя мужчиной, Вера резко выдохнула через нос и отвела глаза. «Вот гад», — произнесла она негромко, потом взяла салфетку из Дарьиных пальцев и положила рядом новую. Старую та успела разорвать на мелкие влажные кусочки.

— Я ведь собиралась с ним разъехаться ещё зимой, — сказала Дарья, не поднимая головы. После первого признания второе почему-то потребовало больше усилий. — До аварии. Мы уже говорили об этом. Я тебе не рассказывала, потому что всё думала: сначала разберёмся сами, потом будет понятно. А потом… — Она замолчала, глядя на принесённую чашку. Вера поблагодарила официантку за обеих, подождала, пока та уйдёт, и спросила, что Дарья имеет в виду под «разберёмся». От этого простого вопроса пришлось перестать прятаться за привычным словом. Дарья рассказала про январский вечер, про его опоздания и про то, как однажды поняла, что ей спокойнее без него.

Вера слушала, иногда уточняя то, о чём Дарья говорила слишком быстро. Она напомнила, что зимой подруга объясняла редкие встречи тем, что у мужа много работы, а у неё самой сложный график. Дарья кивнула: так и объясняла, даже когда уже не верила собственным объяснениям. Ей не хотелось каждый раз произносить вслух, что муж снова предпочёл что-то другое, а она снова осталась ждать. Потом стало стыдно рассказывать, сколько времени это продолжалось. Вера не спросила, почему Дарья терпела, и не стала вспоминать случаи, в которых якобы всё давно поняла. Она только заметила, что теперь ей яснее, отчего подруга перестала звать их с Глебом вместе, и подвинула ближе тарелку с остывающим супом.

— После аварии я осталась, — продолжила Дарья, взяв ложку, хотя есть всё ещё не хотелось. — Он действительно не мог один. Я видела, как ему было плохо. Сначала вообще всё остальное перестало иметь значение, понимаешь? А потом мы поговорили. Я сказала, что помогу, пока не понадобится меньше моего присутствия, и тогда вернёмся к разъезду. Сегодня он говорит, что я обещала никогда его не бросать. — Дарья поднесла ложку ко рту, сделала несколько глотков и только тогда заметила, как сильно была голодна. Вера подождала, пока она поест немного, и спросила, продолжает ли приходить помощница.

Устройство последних месяцев Дарья обычно пересказывала быстро, не желая утомлять людей домашними подробностями. Теперь пришлось вспомнить всё по порядку. В первые недели она взяла отпуск, затем договорилась, чтобы на время её отсутствия приходила женщина, помогавшая по дому и с тем, с чем Глеб не справлялся. Позже стало легче, необходимость в непрерывном присутствии другого человека уменьшилась, Дарья вернулась на сокращённые смены. Глеб оставался один на оговорённое время, иногда к нему кто-нибудь заходил. Он уверял, что более долгие отлучки ещё рано планировать, и Дарья искала подмену, меняла дни, отменяла встречи. Ей казалось, что понемногу всё устроится; когда начинало уставать тело, она думала о том, сколько трудностей ещё остаётся у него.

— Ты ведь сама видела, — сказала Дарья, опустив ложку на край тарелки. — Мне иногда уже из автобуса приходилось искать, кто сможет зайти. Или просить на работе отпустить раньше, потому что он звонит и говорит, что больше не может один. Вчера тоже сказал, что будет приятель. Я поэтому даже не торопилась как обычно. — Вера поправила рукав, намокший под дождём, и спросила, что именно происходило, когда Дарья возвращалась по таким звонкам. Та задумалась. Иногда помощь действительно требовалась. Иногда выяснялось, что Глеб уже сам справился с тем, из-за чего звал, но к её приходу успевал рассердиться, что она так долго ехала.

— А когда он говорит, что долго одному нельзя, это кто ему объясняет? — спросила Вера. Она заметила, как Дарья напряглась, и уточнила прежде, чем та успела начать защищать мужа. — Я не про то, что ты должна была сама понимать всё по его виду. Ты с ним ходишь на приёмы? Слышишь, что вам говорят? — Дарья покачала головой. Раньше ходила, особенно в первые месяцы; знала, о чём спрашивать, что приготовить дома, какие изменения учитывать. Последние несколько раз Глеб ездил с водителем. Сказал, что незачем ей постоянно отпрашиваться, когда можно довезти его без её участия, и Дарья тогда была благодарна за эту заботу.

Она помнила, как муж вернулся с одного из таких приёмов, усталый и недовольный дорогой. Дарья помогла снять куртку, спросила о результатах и услышала, что надо продолжать всё так же, без поспешных перемен. Он рассказал о нескольких рекомендациях, пожаловался, что врач слишком многого от него ждёт, и попросил поесть. Дарья приготовила ужин и вечером написала Вере, что с поездкой пока придётся подождать. Ничего необычного в этом не было: Глеб мог сам пересказать состоявшийся разговор, и она не видела причины проверять каждое его слово. Сейчас, произнося всё это вслух, Дарья впервые ясно заметила, насколько редко за последнее время получала сведения о его состоянии от кого-то, кроме него самого.

— Я не знаю, что он может, а что не может, — сказала она наконец. Дарья отодвинула опустевшую тарелку и вытерла губы салфеткой. — Вчера видела, как ходил, но ведь это ещё

ничего не объясняет целиком. Может быть, ему правда бывает хуже утром. Может быть, он устаёт быстрее, чем кажется. Мне не хочется из злости сделать что-то такое… — Она не закончила. Вера кивнула, не торопясь спорить, затем напомнила, что способность Глеба ходить и его отношения с Алиной — разные вопросы. Дарья и сама понимала это, но всё утро невольно возвращалась к вопросу о его состоянии, словно прежде любого решения требовалось разобраться именно с ним. Она кивнула, обхватив ладонями остывающую чашку.

— Ты принимала решения по тому, что он тебе говорил, — добавила Вера, убирая чашку в сторону, чтобы официантке было удобнее забрать посуду. — Про смены, про помощь, про наши выходные. Теперь сходи с ним и спроси сама, что нужно. Не обязательно разгадывать это за столом в кафе. — Она помолчала и посмотрела Дарье в лицо внимательнее. — И не надо сначала доказывать, что тебе достаточно плохо, чтобы разъехаться. Ты ведь ещё зимой собиралась разъехаться. Я не стану тебя отговаривать. — Дарья почувствовала, как снова защипало глаза, но на этот раз смогла просто промокнуть их салфеткой, не отворачиваясь и не извиняясь.

Когда они вышли из кафе, дождь почти закончился. Вера застегнула плащ, достала телефон, проверила время и предложила проводить Дарью до гостиницы. По дороге они несколько минут говорили об обыкновенных вещах: о перекопанном тротуаре, о магазине, где опять переставили всё с привычных мест, о том, что Вера никак не заберёт из мастерской свои осенние сапоги. Дарья слушала и понемногу переставала чувствовать, что должна немедленно продолжать рассказ. У входа подруга обняла её, крепко и недолго, чтобы не заставить снова расплакаться. «Вечером напиши, как ты, — попросила Вера, убирая с Дарьиного плеча прилипшую нитку. — Если захочешь поговорить, позвони. Я сегодня дома».

Антон стоял у стойки, когда Дарья вернулась в холл. Он поставил рядом плоскую коробку из плотного картона и, придерживая крышку большим пальцем, что-то объяснял молодой администраторше. Девушка смеялась, а Антон с серьёзным видом показывал ей на содержимое коробки, будто обсуждал вещь, не допускавшую легкомысленного отношения. Дарья знала его несколько лет. Он владел пекарней, откуда в гостиницу привозили хлеб и выпечку, иногда заезжал сам, чтобы обсудить замечания к заказу или предложить что-нибудь новое. У него была привычка слишком увлекаться придуманным рецептом и искренне удивляться, если остальные не разделяли восторга с первого кусочка. Дарья давно научилась не уступать ему только за уверенный голос.

— Вот кто нам нужен, — сказал Антон, заметив её. Он снял крышку целиком и подвинул коробку так, чтобы Дарья могла заглянуть внутрь. — Даша, рассуди. Я привёз новое, а мне говорят, что название странное. Попробовать ещё никто не успел, но уже всё не нравится. — Дарья увидела небольшие прямоугольные слойки с румяными краями и тонко нарезанной грушей. От коробки пахло сливочным маслом и тёплым тестом. Она прочитала прикреплённую записку, потом посмотрела на Антона. На воротнике его куртки блестели капли, волосы возле висков потемнели от дождя; он ждал её ответа с преувеличенно терпеливым выражением лица.

— «Нежное облако»? — переспросила Дарья, снова взглянув на записку. Голос ещё звучал немного глухо, но знакомая нелепость названия помогла сосредоточиться. — Антон, у нас гости утром спрашивают, что внутри. Мне им отвечать, что преимущественно облако? — Девушка за стойкой прыснула, прикрыв рот ладонью. Антон покосился на неё, потом вынул из коробки бумажную тарелку и положил на неё слойку. «Внутри груша, — объяснил он, протягивая тарелку Дарье. — А название должно вызывать желание попробовать. Ты сначала попробуй, потом будешь издеваться. Я к тебе именно за честным мнением пришёл».

Дарья взяла слойку, придерживая снизу салфеткой. Тесто чуть крошилось под пальцами, груша оказалась мягкой, с тонкой кислинкой. Антон следил за её лицом, не скрывая интереса, и Дарья вспомнила, как однажды он почти десять минут спорил с ней из-за слишком толстой сахарной корочки. Тогда замечание повторили несколько гостей, и в следующей партии корочка стала тоньше, хотя сам Антон ещё долго уверял, что прежняя была вполне хороша.

Сейчас она сказала, что вкусно, но слойка с грушей всё равно остаётся самым понятным названием. Мужчина вздохнул, покачал головой и попросил хотя бы не писать слово «обычная». Дарья неожиданно улыбнулась; улыбка вышла короткой, но её не пришлось удерживать усилием.

Она поставила тарелку на край стойки и потянулась за листком, чтобы записать замечание. Ручка оказалась без колпачка, вторая не писала; Дарья несколько раз провела ею по бумаге, прежде чем поняла, что взяла ту, которую сама же отложила утром. Антон заметил заминку, однако не спросил при коллеге, что с ней. Просто передал лежавшую возле него ручку, закрыл коробку и уточнил, можно ли оставить образцы для остальных. Дарья кивнула. Ей понравилось, что он не стал превращать её рассеянность в отдельное событие, но раздумывать об этом было некогда: к стойке подошли гости, и пришлось вернуться к работе.

Перед уходом Антон поднял ладонь, прощаясь, и напомнил, что ждёт мнение о выпечке от тех, кто не имеет личной неприязни к хорошим названиям. Дарья ответила, что обязательно проведёт отбор беспристрастных людей, если найдёт таких среди голодных сотрудников. Он усмехнулся и вышел под уже посветлевшее небо. Она проводила его взглядом до двери, затем убрала коробку, чтобы освободить стойку. Никаких особенных слов он ей не сказал, ни о чём не расспросил, но несколько минут Дарья говорила и отвечала без привычного ожидания, что её возражение испортит кому-то настроение. Когда позже она дописала записку, то оставила первоначальное название в кавычках и рядом указала, что выпечка с грушей понравилась. Спорить с удачным вкусом ей и в самом деле не хотелось.

Перед уходом со смены Дарья позвонила Полине. Дочь ответила быстро, но по голосу было слышно, что разговаривает на ходу: закрыла за собой какую-то дверь, попросила подождать, затем со смехом объяснила, что вчерашний пирог всё-таки удалось допечь. Дарья слушала подробности, задавала вопросы и смотрела в окно небольшого служебного помещения, где наконец можно было побыть одной. Полина спросила, почему у неё такой усталый голос. Дарья ответила, что плохо спала и у них с отцом был тяжёлый разговор. Дочь сразу перестала смеяться; пришлось сказать, что сейчас мать на работе, всё спокойно и о домашнем они поговорят отдельно, когда обе смогут не торопиться. Дарья не уверяла её, будто ничего не случилось, но и начинать рассказ об Алине между чужими шагами и хлопающими дверями не хотела.

Домой она ехала с небольшой головной болью и непривычным нежеланием заранее угадывать, в каком настроении встретит её муж. Обычно ещё в автобусе Дарья проверяла сообщения, считала, успеет ли зайти за продуктами, мысленно перебирала то, что надо сделать вечером. Теперь она достала телефон и написала Вере, что закончила смену и едет домой. Потом открыла календарь. Ближайший приём Глеба был назначен через три дня, время она записала ещё тогда, когда они выбирали удобный час. Дарья посмотрела на эту короткую запись, проверила свой рабочий график и поняла, с кем сможет поменяться утром. Она убрала телефон, не дожидаясь очередного звонка мужа.

Глеб разговаривал по работе, когда она вошла. Из кабинета доносился его ровный, уверенный голос; он задавал короткие вопросы, ждал ответа, объяснял, что нужно сделать к следующему дню. Дарья разулась, повесила пальто и прошла на кухню. На столе стояла тарелка с остатками обеда, возле неё лежал сложенный лист бумаги. Она убрала собственную сумку, налила воды и села, позволяя себе несколько минут ничего не делать. По окончании разговора Глеб выехал в коридор и спросил, давно ли она дома. Дарья ответила, что недавно, и подождала, пока он приблизится, чтобы не переговариваться через комнаты.

— На приём через три дня я поеду с тобой, — сказала она. Дарья положила телефон рядом с чашкой, оставив на экране открытый календарь. — Утром поменяюсь на работе, мы успеем без спешки. В одиннадцать, всё правильно? — Глеб посмотрел на экран, потом на жену. Он не ответил сразу, провёл ладонью по подлокотнику и уточнил, зачем ей снова отпрашиваться. Водитель уже предупреждён, время согласовано, всё можно сделать как в прошлый раз.

Дарья сказала, что ей нужно самой поговорить о том, какая помощь необходима ему сейчас. Глеб нахмурился и отодвинулся от стола, хотя только что собирался поставить на него телефон.

— Даша, я тебе всё рассказываю, — произнёс он с усталой досадой. — Что там нового ты хочешь услышать? Мы ходим к одному человеку, он меня знает, знает, как идёт восстановление. Не надо теперь и это превращать в проверку. — Он посмотрел на дверь кабинета, словно там оставалось срочное дело, от которого его отвлекли. — Я потому и предложил ездить без тебя, что ты постоянно жаловалась на эти отлучки. Сейчас опять начнёшь менять смены, договариваться, потом устанешь и будешь сердиться. Зачем устраивать себе лишние трудности?

— Потому что мне нужны точные ответы, — сказала Дарья. Она положила ладонь возле телефона, удерживаясь от желания снова взять его и проверить запись. — Я слышу от тебя, что нельзя надолго уходить и что без меня ты не справишься. Мне нужно понять, в чём именно ты не справляешься, сколько времени можешь оставаться один, какую помощь можно устроить по-другому. Я сама задам эти вопросы. — Глеб помолчал, потом с неприятной усмешкой спросил, собирается ли она рассказать врачу и про Алину. Дарья почувствовала, как напряглись плечи, но ответила только, что речь идёт о его состоянии и необходимых условиях жизни. Объяснять постороннему человеку свой брак она не собиралась.

Он немного помолчал, затем спросил, куда, по её мнению, ему вообще можно уехать. Слова были произнесены с таким вызовом, будто отсутствие готового адреса должно было закончить весь разговор. Дарья посмотрела на окно, за которым мокрые ветви касались стекла. Дом достался ей от родителей ещё до свадьбы; она помнила, как мать привезла первые занавески, а отец долго возился с заедающей калиткой, не желая отдавать дочери ключи, пока та не начнёт закрываться нормально. Позже здесь росла Полина, появились их с Глебом вещи и привычки. Дарья не собиралась отрицать его годы в этом доме. Но и уходить самой, оставляя ему весь привычный быт, не хотела.

— Общая квартира пока занята, — сказала она, возвращаясь к разговору. — Сразу туда переехать не получится. Можно снять жильё, в котором тебе будет удобно, и договориться о помощи, если она понадобится. У тебя есть доход, Глеб. Ты работаешь, получаешь деньги, это можно устроить. — Он посмотрел на неё с откровенным недовольством и спросил, почему именно ему предлагается куда-то ехать. Дарья ответила, что дом родители подарили ей до их свадьбы и сама она хочет остаться здесь. Она не повышала голос, но от каждого произнесённого слова горло становилось суше. Глеб ждал, не добавит ли она чего-нибудь, что позволит назвать весь разговор минутной злостью.

— Значит, ты уже всё продумала, — сказал он наконец. Муж отодвинул чашку, стоявшую между ними, и положил обе руки на стол. — И дом вспомнила, и мою зарплату посчитала. А то, что я сейчас не могу просто взять сумку и жить как раньше, тебя уже не интересует? — Дарья посмотрела на его пальцы возле своей чашки. Она знала, как легко сейчас будет начать оправдываться, объяснять, что ничего не считала заранее, что боится сделать ему хуже, что ей самой тяжело. Вместо этого она напомнила о предстоящем приёме. Именно там она и хочет узнать, какие условия ему нужны, прежде чем они начнут выбирать конкретное жильё и договариваться о сроках.

Глеб долго смотрел на жену, затем отвёл глаза и провёл ладонью по лицу. «Хорошо, — произнёс он. — Поедем вместе. Послушаешь сама, может быть, хоть тогда поймёшь, почему мне нельзя сейчас всё менять». В его голосе появилось прежнее облегчение человека, нашедшего довод, который должен сработать. Он начал говорить об утомлении, о том, как плохо переносит тревогу, о трудностях, которых Дарья не замечает, когда уходит на работу. Она выслушала, не пытаясь опровергать то, о чём действительно знала меньше него, и повторила, что хочет обсудить конкретный объём помощи. Глеб больше не спорил с её участием в приёме, только попросил не торопить его утром и не заставлять нервничать перед выходом.

Позже, поднявшись наверх, Дарья написала коллеге с просьбой поменяться несколькими утренними часами. Пока ждала ответа, переоделась, отнесла платье в шкаф и вспомнила, что надо почистить манжет пальто. Внизу Глеб включил телевизор. Телефон коротко завибрировал: коллега соглашалась, просила лишь подтвердить, когда Дарья сможет подменить её в ответ. Она сверилась с графиком, предложила время и поблагодарила. Потом положила рядом с очками листок и записала вопросы, которые хотела задать на приёме. Прочитав их, Дарья добавила ещё один — о том, что Глеб уже может делать без посторонней помощи, — и убрала листок в сумку, с которой собиралась ехать.

Глава 3. Пять недель

В коридоре перед кабинетом Глеб попр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.